

18+

Игорь Шулепов

ШТУРМАН

«КАПИТАНА ГНЕЗДИЛОВА»

Игорь Шулепов

**Штурман «Капитана
Гнездилова». Повесть-странствие**

Шулепов И.

Штурман «Капитана Гнездилова». Повесть-странствие /
И. Шулепов —

ISBN 978-5-00-674306-9

«Штурман „Капитана Гнездилова“» — повесть о нелёгкой, но увлекательной работе молодого штурмана — выпускника Дальневосточной государственной морской академии на транспортном морском судне Дальневосточного морского пароходства. Повесть «Штурман „Капитана Гнездилова“» является второй частью морской саги «О море мечтаем!».

ISBN 978-5-00-674306-9

© Шулепов И.

Содержание

ЧАСТЬ 1	10
Еду в Магадан!	10
И снова – в бой, покой нам только снится!	13
Первый рейс	17
Важное поручение	20
Выход есть всегда!	23
Уходим завтра в море!	25
Служу в торговом флоте!	27
Кончен бал и кончен вечер...	30
Там, за туманами...	32
Мы пойдём на выборы!	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Штурман «Капитана Гнездилова» Повесть-странствие

Игорь Шулепов

Корректор Анна Асонова

© Игорь Шулепов, 2026

ISBN 978-5-0067-4306-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повесть-странствие «Штурман „Капитана Гнездилова“» – это вторая часть морской саги «О море мечтаем!», повествующей о выпускниках Дальневосточной государственной морской академии.

В первой части «Тельняшка» читатель знакомится с главным героем и его друзьями, мечтающими о море, и воплощающими эту мечту в реальность.

Посвящается:

Старшему штурману т/х «Капитан Гнездилов» – Сташкову Владимиру Яковлевичу.

Старшему механику т/х «Капитан Гнездилов» – Постникову Владимиру Александровичу.

Теплоходу «Капитан Гнездилов» и всем морякам Дальневосточного ордена Ленина и Октябрьской революции морского пароходства.

Особая благодарность Юрию Николаевичу Пузачёву за активную поддержку проекта.

Дизайн обложки Андрея Деговцова

Иллюстрации Александра Казанцева

Книга публикуется в авторской редакции.

ЧАСТЬ 1

Что такое юность?

Сон.

Что такое любовь?

Содержание сна.

Сёрен Кьеркегор

Еду в Магадан!

Счастье наконец-то улыбнулось мне!

Я – молодой специалист. На руках у меня два новеньких диплома – учебный и рабочий, сертификаты РЛС, САРП, БЖС, паспорт моряка, книжка с аттестацией третьего помощника капитана во флагманском морском пароходстве – Дальневосточном.

В службе снабжения пароходства пошита новенькая штурманская форма!

Я безмерно счастлив, а потому сияю, как новая монета, и жду своего звёздного часа!

Но вот беда, вновь испечённого штурмана, крайне жаждущего применить знания, полученные за почти шесть лет обучения в Морской академии, брать на пароход никто не спешит. Я было уже впадаю в отчаяние, как вдруг удача вновь благоволит мне.

Спустя два месяца ежедневного хождения к инспектору отдела кадров, или, как называется у моряков, «сидения на биче», наконец поступает долгожданная заявка на замену третьего и четвёртого помощников капитана на «банановозе» «Илья Мечников», который идёт в Новую Зеландию за грузом яблок.

Направляют Гену Назаренко и меня. У Гены красный диплом, а у меня – синий.

Поэтому в приказах о назначении на судно инспектор вписывает Гену третьим помощником, а меня – четвёртым. Мы искренне рады, что нас отправляют вдвоём – будем держаться вместе и помогать друг-другу!

Однако по прибытии на пароход оказывается, что судно ходило в Охотоморку, а сейчас направляется в Новую Зеландию и капитану четвёртый помощник в южных широтах теперь не требуется.

Гену капитан оставляет на замену штатного третьего помощника, а мне даёт «от ворот поворот»!

И вновь я предстаю пред светлыми очами Юрия Ивановича Сенчихина – штурманского инспектора отдела кадров.

Глядя на мой обескураженный вид, он пытается приободрить меня:

– Да ты не дрейфь! Был бы штурман, а пароход всегда найдётся. Скоро северная навигация начинается – там народу всегда не хватает! На ледоколах штурмана в отпуск побегут – вот и полетишь туда белым лебедем! А пока отдыхай, наслаждайся жизнью!

Я с досадой захлопываю дверь инспекторского кабинета и сталкиваюсь нос к носу с Берёзкиным.

Берёзкин – мой одноклассник, мы с ним поступали вместе в 19-ую роту. Он уже год отрубил в пароходстве и пришёл брать заслуженный отпуск.

Здороваемся, слово за слово, сетую про несбыточную мечту о «банане», а он, утешая меня, вдруг предлагает занять своё место на контейнеровозе «Капитан Гнездилов».

К контейнеровозам у меня отношение особое ещё с морских практик – один «Пионер Находки» чего стоит! С ним ведь связаны яркие события моей юности: Гонконг, Шанхай, пьянки-гулянки с Саней Ершовым¹. Эх, боевые тревоги!

Но, выясняется, что «Гнездилов» тоже линейщик, как и «Пионер Находки», но стоит не на заграничной линии, а на каботажной – Восточный-Магадан.

– Да ты не расстраивайся – утешает меня Берёзкин, украдкой глядя на мой безымянный палец с обручальным кольцом. – Зато к жене будешь мотаться через рейс. Я вот с третьим договорился: рейс – он домой, рейс – я. Пароход-то домашний, с северной линии вряд ли куда пошлют – у него ледовый класс. Максимум в Пусан стоняете для разнообразия! Да и четвёртым проще сразу после бурсы работать – опыта поднаберёшься, если мастер будет нормальный – в третьи помощники переведёт!

– А тебя чего не перевели, ты ведь год на нём отработал?

– А я и не стремился! Зарплаты одинаковые, а у третьего гемора поболя будет: карты, пособия, корректура, деньги опять же...

– Понятно. Ладно, пошли к инспектору! – решаюсь я.

Время к обеду, а потому я бесцеремонно распахиваю дверь инспекторского кабинета и нос к носу сталкиваюсь с изумлённым Юрием Ивановичем, который только что водрузил, словно знамя полка, над своим рабочим столом новенький фирменный календарь, на котором изображён свежий контейнеровоз с логотипом FESCO на борту, эффектно входящий в австралийскую гавань Port Jackson, и явно любит этим шедевром пароходских маркетологов.

– Видал, какая красота?! Самый большой стальной арочный мост в мире – Harbour Bridge, одно из современных чудес света – Opera House! А какой красавец-пароход! Такой заслужить ещё надо!.. А ты чего вернулся? Иди отдыхай, я же тебя отпустил на сегодня!

– Юрий Иванович, календарь у вас классный! – забрасываю ему «леца».

¹ Указанные события подробно описаны в автобиографической повести автора «Тельняшка».

– Чего хотел то? – раздражённо вопрошает Сенчихин, глядя на роскошные наручные часы.

Видимо, ему пора на обед, и он хочет по-быстрому от меня отделаться.

– Так это... направление на пароход хотел, чтобы выписали. Я сам вот уже нашёл...

– Слышишь, пижон, мне обедать пора, хватит тут мне комедии разыгрывать! Нашёл он...

Кто здесь инспектор, я или ты?

– Вы, конечно! Да вы так, пожалуйста, не переживайте! Идите обедать, а мы вас с коллегой подождём.

– А «мы» это кто? – с явным раздражением вопрошает Сенчихин.

– Я и вот он! – И я вталкиваю в кабинет смущённого Берёзкина.

Сенчихин берёт у него из рук бумаги, внимательно осматривает их, насупливая густые брови, а потом вдруг лучезарная улыбка озаряет его хмурое инспекторское лицо.

– Магадан, солнечный Магадан! Отлично! И замену пора делать, и пароход здесь, на Светлой, стоит!

– Так вы согласны сразу меня туда направить? – уточняю я на всякий случай у Сенчихина.

– Конечно, согласен! Отличный северный пароход – поработаешь в каботаже, опыта поднаберёшься, а потом, если заслужишь, пойдёшь у меня на новенький контейнеровоз на полугодовой контракт! – И кивает в сторону красочного календаря с ультрасовременным контейнеровозом, заходящим в Сиднейскую гавань Port Jackson, который он только что с воодушевлением водрузил над своим столом.

– А пока бананы будешь лопать только сушёные! – подмигивает он мне, явно намекая на несбывшееся распределение на «Мечников».

Я в ответ делаю неприличный жест – не поднимая правой руки, вытягиваю средний палец вверх.

К счастью, довольный собой Сенчихин ничего не замечает и благостно резюмирует:

– Завтра с утра получишь направление. Приходи в кадры с вещами и сразу дуй на пароход! Примешь у него дела! – И он показывает на довольного Берёзкина, у которого от предвкушения долгожданного отпуска рот до ушей.

Я благодарно киваю инспектору, жму руку Берёзкину и лечу на всех парах домой.

«Еду в Магадан!» – тихонько мурлыкаю себе под нос.

И мне уже ничуть уже не обидно, что не довелось попасть на «банановоз». Ведь я наконец получил своё первое назначение! А каботажем меня не напугать – плавали, знаем!

Значение профессиональных морских терминов смотри в приложении «Толковый морской словарь».

И снова – в бой, покой нам только снится!

Эгершельд встречает меня холодным порывистым ветром. Поёживаюсь от ледяного дыхания ветра и резко застёгиваю под горло старую добрую кожанку.

Начало июня во Владивостоке – это туманы и дожди, продирающие до самых костей, холодные морские ветры.

Город, который получил свою географическую прописку на широте Сочи и долготе Магадана, лениво дремлет, как усталый амурский тигр на бархатных сопках Маньчжурии.

С видовой площадки, где ныне расположился сквер легендарной женщины-капитана Анны Ивановны Щетининой, открывается великолепный вид на пролив Босфор-Восточный, Токаревскую кошку и одноимённый Токаревский маяк.

А рядом с ковшем, под самой сопкой, приосанились тудяги-ледоколы с бело-красной буквой «F» и синим околышем на трубах.

Люблю Эгершельд за его строптивый характер!

Хотя какой же он Эгершельд? На самом деле это полуостров Шкота! Однако старожилы упорно именуют Эгершельдом, называя в честь командира судна «Гридень» не только мыс, но и целый полуостров, имя которого принадлежит по праву Николаю Шкоте – командиру корвета «Америка».

И хотя оба названия достойны быть увековечены на этом берегу, однако в обиходе «Эгершельд» затмил своим пафосным именем скромного «Шкота» и теперь обозначает весь район на полуострове.

Неподалёку от ледоколов, у понтонов плавмастерских, особняком ошвартовался одинокий контейнеровоз. Вот он, мой новый братишка «Капитан Гнездилов»!

Закидываю сумку с вещами на плечо и спускаюсь к проходной. Предъявляю документы строгой седой вахтёрше и не спеша, вразвалочку иду навстречу своей судьбе.

Берёзкин уже на низком старте!

В каюте прилично накурено. На столе, рядом с пепельницей и грудой бумаг, расположена массивная пишущая машинка «Башкирия». Отпечатаны и аккуратно разложены по папкам акты приёма-передачи подотчётного четвёртому помощнику имущества.

Спускаемся в гирокомпасную, проверяю наличие оборудования и ЗИПа по списку, затем поднимаемся на мостик и продолжаем сверять всё по тому же списку навигационные приборы, которыми заведует четвёртый помощник капитана: навигатор, лаг, эхолот, гирокомпас с репитерами, радары, магнитный компас.

Скрупулёзно проверяю, сверяю всё имеющееся в наличии навигационное оборудование, после чего мы возвращаемся в его маленькую каюту-келью.

– Да, скромно здесь у тебя...

– Да нормально, я уже привык. Зато есть умывальник, потёр и даже вентилятор! Холодильника нет, но по соседству живёт боцман – у него есть! Так что можешь «объединить с ним брэнды». А вот галюн находится палубой выше!

Я невольно поднимаю правую бровь...

– Извини, пароход советской постройки – удобства в каютах только у старшего комсостава! – оправдывается Берёзкин.

– Да, чуть было не забыл! – Он открывает массивный металлический сейф, который аккуратно вмонтирован в письменный стол. Вытаскивает оттуда пачку дипломов, сертификатов и паспортов моряка. – Проверь по списку и, если всё сходится, подпиши, пожалуйста, вот здесь.

Документы – дело архиважное, а посему проверяю, пересчитываю и только после этого ставлю свой скромный автограф в его акте.

– Ну вот и всё! – резюмирует Берёзкин. – Если вопросов нет, то пойдём сейчас к мастеру, пока он не свалил домой и передадим дела!

Словно заправский фокусник – лёгким движением руки – он извлекает из сейфа бутылку армянского коньяку.

– А после передачи дел по старой морской традиции обмоем моё списание и твоё назначение!

Я молча ему киваю, мы поднимаемся на верхнюю палубу и, спросив разрешения, заходим в каюту капитана.

Капитан очень молод – на вид ему не больше тридцати пяти лет. Берёзкин протягивает ему подписанные акты, а я отдаю документы из отдела кадров.

– Игорь Владимирович, а на каком судне вы раньше работали? – спрашивает он, пристально глядя мне в глаза.

– Ни на каком. Я только что окончил Морскую академию и получил в кадрах направление к вам! – отвечаю я, ни капли не смущаясь.

– И чем они в кадрах-то думают? У меня из опытных остаётся только третий штурман, и тот вот-вот спишется! Старпом – ярый ледаколыщик, второй – совсем без опыта, вот ещё и четвёртого прислали только после бурсы! – в сердцах сетует он.

– Так вы берёте меня или опытного штурмана будете ждать? – уточняю я.

– А куда мне прикажете деваться? Чистку танков мы сегодня закончим, завтра – отход на Восточный, и становимся опять на линию. Ладно, принимайте дела, представляйтесь старпому и принимайте у него через два часа вахту! – резюмирует капитан.

Берёзкин выдыхает с облегчением. Мастер подписывает документы, и мы спускаемся в уже ставшую моей каюту с надписью «4-ый ПКМ» на двери.

Он откупоривает бутылку ароматного коньяку «АРА очень РАТ», разливает его по кружкам, и мы залпом выпиваем.

– Вообще-то не советую увлекаться этим делом, а то Чуй махом сольёт тебя! – предупреждает он меня назидательно.

– Какой ещё Чуй? – не понимаю я.

– Капитан наш – Чуйко, мы его Чуем меж собой называем. Сам не бухает и другим не даёт. Если учует запах спиртного сразу акт составит! На вот, зажуй! – И он протягивает мне пластик мятной жвачки Wrigley's. – Да ты не дрейфь! Он домой сейчас свалит.

У тебя через два часа вахта суточная. У трапа матрос, чиф на борту – он свой мужик, из ледокольников! Пароход в балласте, на судне, кроме вахты, никого из посторонних. Подремлешь чуток перед отходом, ну а завтра оформишь отход и под погрузку в Восточный.

– Ладно, разберёмся! – соглашаюсь я с Берёзкиным.

– Ну тогда пошли к чифу! – подытоживает он.

И мы вновь поднимаемся на верхнюю палубу.

Дверь в каюту старпома настезь раскрыта.

Хозяин каюты что-то усердно строчит на пишущей машинке с сигаретой в зубах. Массивный, внушительного вида письменный стол, завален ворохом бумаг.

На вскидку чиф намного старше капитана. Сразу видно: опытный моряк, прошедший «Крым, рым и медные трубы».

– Вот, Владимир Яковлевич! Прошу любить и жаловать – новый четвёртый помощник капитана! – сообщает прямо с порога Берёзкин.

Старпом поднимает на нас свои небесно-голубые очи, вытаскивает сигарету изо рта и аккуратно тушит её в хрустальной пепельнице. Затем неспешно встаёт из-за стола, выходит к нам навстречу и протягивает мне свою большую тёплую ладонь.

– Приятно познакомиться! Сташков Владимир Яковлевич, будем работать вместе!

Мы пожимаем друг другу руки. Берёзкин отдаёт ему обходной лист и лаконично прощается с нами.

– Ну, бывайте! Ни пуха вам и семь футов под килем! – бросает он нам на прощание и летящей походкой устремляется навстречу заслуженному отпуску.

– Ну что ж, Игорь Владимирович, пора заступать на свою первую штурманскую вахту. Пойдёмте на мостик, я вас подробно проинструктирую.

Мы с чифом поднимаемся на мостик, где он проводит мне полный инструктаж по несению стояночной вахты, показывает, где включаются стояночные огни, выдаёт walkie-talkie для оперативной связи с ним и вахтенным матросом.

Я натягиваю на левый рукав повязку РЦЫ и спускаюсь к трапу, где несёт вахту матрос Володя Маточкин.

Капитан вскоре покидает борт судна, и я остаюсь с вахтенным матросом наедине.

Над Светлой опускаются вечерние сумерки, окутывая нежно-розовым светом, уходящего за бурые сопки солнца, мощные стальные торсы дремлющих ледоколов.

Сбросивший с себя бремя груза контейнеровоз мерно покачивается на волнах, ласково прижавшись свежеразкрашенным бортом к резиновым кранцам стального понтона, а мы с вахтенным, пребывая в благодушном состоянии, ведём неспешную беседу о том о сём, а прощ говоря, сплетничаем.

– А вы в курсе, что наш старпом четверть века отработал на ледоколах? – спрашивает у меня Володя.

– Нет, не в курсе конечно! Ну, судя по всему, штурман он весьма опытный! – отвечаю я.

– Не то слово! У него и диплом капитана дальнего плавания имеется! – с восторгом сообщает мне Володя.

– А почему он старпомом до сих пор работает? – интересуюсь я.

– Так он ведь всю жизнь на ледоколах! Ему только визу открыли недавно, стажуется пока на нашем корыте...

– А, теперь понятно! И как стажировка проходит?

– С трудом... Наше корыто за глаза прозвали «ледоколом», после того как наш чиф несколько раз так портконтролю представился... – давась от смеха, сообщает Вова.

– Это как?

– Да так. Запрашивают его по УКВ данные парохода, а он возьми да и скажи: мол, ледокол «Капитан Гнездилов»! У мастера тогда чуть было сердечный приступ на мостике не случился! Хотя он вполне здоровый и молодой – старпомом здесь раньше работал.

– Вова, а как это он такой молодой капитаном так быстро стал?

– Дык, у них же вся семья – капитанская династия! Вот и он карьеру в пароходстве быстро сделал. Хотя, на мой взгляд, рано ему ещё кэпом-то быть...

– Ну, не нам решать! Мне он сказал, что у нас не пароход, а учебно-производственное судно – УПС!

– Есть такое дело! Да кэп сам ещё без опыта! Из опытных у нас только третий помоха, и тот свалить отсюда давно мечтает, да мастер его пока не отпускает! Может, тебя на его место назначат?

– Да вряд ли, я ведь без опыта – только после окончания академии. Пришлют из кадров пароходства кого-нибудь достойного. На двух неопытных помощников вряд ли наш мастер согласится!

– Поживём – увидим! А тебе повезло, что наш чиф, Яковлевич, над тобой шефство взял! Он мужик грамотный и человек хороший!

– Я тоже этому рад! Но нужно сперва опыт наработать, а потом уже карьеру делать.

Наступает ночь, и с приходом темноты мы заканчиваем нашу нехитрую вечернюю беседу. Я поднимаюсь на мостик, включаю стояночные огни, после чего иду покемарить с чашкой крепкого кофе в тальманскую.

Первый рейс

Над полуостровом Шкота встаёт алое солнце, щедро освещая первыми рассветными лучами дремлющие неподалёку ледоколы. Я выключаю на ходовом мостике стояночные огни и выхожу к трапу.

Ночь прошла без происшествий, но я так и не смог сомкнуть глаз: делал обходы по судну, проверял натяжение швартовых концов во время прилива и отлива и лишь пару раз передохнул в мягком кресле за кружкой крепкого кофе в тальманской – всё-таки первая моя самостоятельная стояночная вахта! За что и получил заслуженную похвалу от старпома, который с первого дня взял надо мной шефство.

Сдав вахту опытному третьему штурману и наспех позавтракав в кают-компании, отправляюсь оформлять отход судна назначением на порт Восточный в Портнадзор и санитарно-карантинную службу.

Успешно справившись, с возложенными на меня обязанностями по оформлению отхода, я вновь заступаю на вахту, но на сей раз уже на ходовую.

На борт судна поднимается лоцман, швартовые команды стоят по местам на баке и корме, и вскоре, отдав концы, мы медленно отваливаем от причала. Внутри меня всё ликует: это же моя первая ходовая штурманская вахта! И выходим именно из Владивостока – как это символично!

На мостике царит оживление: на телеграфе – сам капитан, возле которого с изящной чашкой ароматного кофе расположился высокий сухощавый лоцман, и они о чём-то мирно беседуют.

На руле – старший рулевой матрос Володя Маточкин, который, чётко дублируя голосом команды лоцмана, крутит миниатюрное штурвальное колесо авторулевого «Аист».

Заполосный старпом носится с walkie-talkie в руках с одного крыла мостика на другое, отдавая команды третьему и второму помощникам, которые руководят швартовыми командами на баке и корме.

И пока я глазею на всё это великолепие широко раскрытыми глазами, старпом тихонько ненароком подсказывает мне:

– Игорь Владимирович, не забудьте записать все данные лоцмана в судовой журнал и приступайте к своим штурманским обязанностям.

Я утвердительно киваю, подхожу к лоцману и вежливо интересуюсь у него его персональными данными.

– Видите ли, милейший, моя фамилия звучит как симфония: СафронОфф! – с некоторым вызовом отвечает он мне, умышленно произнося окончание своей славянской фамилии на европейский манер, явно предвкушая неоднозначную реакцию с моей стороны.

Затем напоказ достаёт из кармана стильной лоцманской куртки изящную курительную трубку, со знанием дела набивает её душистым табаком и выпускает изо рта сизые дымные колечки... Ни дать ни взять настоящий английский лорд!

Я несколько шокирован таким ответом, но совсем не подаю виду. Эка невидаль – чудак-коватый лоцман!

– А имя-отчество, будьте любезны! – в той же изысканной манере интересуюсь я.

Чудак-лоцман, уже без былого пафоса, сухо сообщает своё имя и своё отчество – видно, разочарован отсутствием ожидаемой им реакции. Я записываю в черновик время прибытия на борт лоцмана, а также его имя и фамилию. Затем подхожу к радару – снимаю пеленга и дистанции с береговых ориентиров и аккуратно, со знанием дела наношу остро отточенным графитным карандашом путевые точки на навигационную карту.

Меж тем «Капитан Гнездилов» благополучно минует восточные ворота порта Владивосток – остров Скрыплёва и мыс Басаргина.

Лоцман Safronoff любезно откланивается всем присутствующим на мостике и покидает борт судна. Я торжественно сопровождаю «его сиятельство», поскольку в мои обязанности также входят встречи и проводы лоцманов.

Он осторожно спускается по трапу на борт сопровождающего наш пароход, катера ЛК с яркой надписью PILOT на борту.

Благополучно добравшись до палубы ЛК и ухватившись за леера, лоцман машет мне рукой: мол, всё в порядке! Я машу ему утвердительно в ответ, и мы расходимся каждый по своим делам: он – осуществлять проводку других судов, я – вести пароход в Восточный.

Вновь возвращаюсь на мостик и продолжаю со всем рвением, присущим молодому штурману, нести ходовую вахту. Уверенно определяю местоположение судна, используя РЛС, как учили в бурсе. Старпом по-отечески проверяет мои путевые точки, время от времени «стреляя в радар». И поскольку никаких расхождений в моих с ним ОМС не наблюдается, он одобрительно похлопывает меня по плечу. Мол, молодец, четвёртый!

Мастер же украдкой наблюдает за нами и спустя некоторое время как будто невзначай интересуется у меня:

– Четвёртый штурман, а вы навигатором GPS пользоваться умеете? Учили вас в бурсе?

– Конечно, Сергей Алексеевич, умею! – уверенно отвечаю я, – Отличная штука для определения места судна в открытом море.

– Почему только в открытом? – недоумевает капитан.

– А потому что у него погрешность большая – для прибрежной навигации не годится!

– Интересно, а я-то думал, что это чудо техники можно использовать везде!

– Ни в коем случае! В прибрежном плавании, в узкостях на показания GPS-навигатора полагаться не стоит!

Мастер явно лукавит. По глазам ведь видно, что обо всём этом он прекрасно знает, на то он и капитан! Но человек-то я новый, а потому за мной глаз да глаз нужен!

Как любил говаривать декан нашего факультета дядька Панас: «Посмотрим, что ты за Фрукт!»

– Хорошо, убедили! Тогда назначаю вас ответственным за обучение штурманского состава по современной навигации. Нужно будет перевести инструкцию по использованию навигатора с английского на русский язык и провести практические занятия со всем нашим штурманским составом, в том числе и со мной! Задача ясна?

– Так точно! – кратко, по-военному отвечаю я.

– Тогда выполняйте! Мы ведь только что получили этот чудо-прибор во Владивостоке, да и пользоваться им толком пока никто не умеет. Выйдем в рейс из Восточного в Магадан – там и проверим, как вы справились с моим поручением.

– Хорошо, Сергей Алексеевич, сделаю!

– А с английским у вас как?

– Отлично, пятёрка на ГОСах в академии и надбавка в пароходстве за знание по итогам аттестации.

– Замечательно! Заодно и чифа подтянете по английскому. А то он на своих ледоколах совсем разучился по-английски общаться. Да там и не с кем! Одни чукчи да белые медведи кругом! Да, Владимир Яковлевич?

И мастер оборачивается в сторону старпома, который с явным интересом прислушивается к нашему разговору сквозь монотонное жужжание репитеров гирокомпаса, пряча голову, словно страус, в спасительный тубус радара.

Чиф, слыша такое дело, виновато пожимает плечами: мол, что есть, то есть – знал, да забыл...

Мастер же, явно удовлетворённый увиденным и услышанным на переходе из Владивостока в Восточный, с лёгким сердцем покидает мостик.

На траверзе появляется остров Аскольд, и я чётко различаю в бинокль, знакомые до боли, места: остров Путятина, кекуры «Пять Пальцев», залив Восток.

ЦУДС порта Находка запрашивает наши данные для входа в Восточный.

Старпом небрежно снимает трубку УКВ-радиостанции «Рейд» и рапортует уверенно, без запинки:

– Находка Портконтрол, Находка Портконтрол, теплоход «Капитан Гнездилов», теплоход «Капитан Гнездилов»!

«Поди, заливал Маточкин насчёт „ледокола“?!» – проносится у меня в голове.

Тем временем чиф аккуратно кладёт на место трубку «Рейда» и лёгким движением руки подхватывает висящий на витом шнуре эбонитовый микрофон общесудовой трансляции:

– Внимание экипажа! Швартовой команде по местам стоять на швартовку, боцману и третьему помощнику – на бак, второму помощнику – на ют! Боцману – на бак! Боцману – на бак! – вещает он годами отточенным суровым командирским голосом.

Швартовка к контейнерному терминалу порта Восточный проходит без сучка без задоринки, я делаю соответствующие записи в судовом журнале и с радостью сознаю, что мой первый боевой рейс благополучно завершён!

Я безумно устал от бессонной ночи и от пережитого стресса, а посему получаю от чифа «добро» сдать вахту второму штурману.

Ревизор благополучно принимает у меня вахту, и я на ватных ногах спускаюсь на главную палубу. Отворяю дверь своей каюты, падаю в чём есть на запровленную шконку и забываюсь крепким беспробудным сном.

Важное поручение

Просыпаюсь от того, что кто-то тихонько трясёт меня за плечо. Открываю глаза, вижу перед собой милое женское личико и опять смыкаю веки, ибо решаю, что это всего лишь сон.

Но вновь погрузиться в объятия Морфея мне не удаётся, поскольку в ушах звучит нежный женский голосок: «Пора вставать, красавчик!»

Я снова открываю глаза и вижу перед собой милое создание. Оно стоит передо мной в лёгком летнем платье с глубоким вырезом в зоне декольте и лучезарно улыбается.

– Просыпайтесь! Вы уже больше двенадцати часов проспали – старпом беспокоится!

– Девушка, а вас как зовут? – откровенно смущаясь, спрашиваю я.

– Ирина! А вас? – игриво отвечает она.

– Меня Игорем. То есть Игорем Владимировичем! – робко представляюсь я.

– Знаю, вы наш новый четвёртый. Не везёт нам на молодых штурманов! – сетует Ирина.

– Почему не везёт? А что не так-то? – удивляюсь я.

– Да ведь одни женатики приходят вроде вас! Что третий помощник, что четвёртый, Берёзкин, который до вас был! – И она как бы невзначай скользит взглядом по моему безымянному пальцу с обручальным кольцом.

– А, вон чего! Есть такое дело! – соглашаюсь с ней я и тут же краснею как рак.

– Да ладно, может, в следующий раз повезёт – холостого красавчика пришлют! – игриво щебечет она. – Вы пока умойтесь ото сна, а я вам постель перестелю.

Я нехотя сползаю со шконки и обречённо бреду к умывальнику, а Ирина тем временем аккуратно застилает мою постель накрахмаленным белоснежным бельём. Украдкой поглядываю на её точёную девичью фигурку в ситцевом платье и мысленно гадаю, кто же это прелестница: буфетчица или дневальная?

А тем временем Ирина со знанием дела расправляет одеяло и вновь поворачивается ко мне лицом, деликатно поправляя на себе слегка прилипшее к нежным телесам, платье.

Я откровенно пялюсь на её декольте, не в силах отвести глаз, а когда отвожу, вновь краснею, но теперь уже по самые уши.

– Я буфетчицей здесь работаю! Если что – обращайтесь! – многозначительно предлагает она мне свою помощь, и, щедро одарив чарующей улыбкой, скрывается за дверь.

Я в изнеможении плюхаюсь на диван, достаю из ящика стола пачку Ni Lite, вытаскиваю оттуда сигарету и с наслаждением закуриваю. В голове у меня туман – мозг ещё наполовину спит, но прекрасный образ прелестной фемины всё ещё стоит перед моими глазами. Эх, хороша чертовка! Наверняка же с мастером крутит... Хотя...

Накачиваю себе кипятку из поттера и насыпаю в кружку добрую горку гранулированного кофе Maxim. Затем направляюсь с чашкой кофе в руках к трапу, чтобы прояснить текущую обстановку на пароходе. Это же надо, больше двенадцати часов проспал! Интересно, чья сейчас вахта?

Вахтенный матрос любезно сообщает мне, что на вахте сейчас второй помощник.

Начинается погрузка, и ревизор с представителями порта заседает у себя в каюте.

Крепкий кофе быстро возвращает меня к суровой реальности, и я осторожно интересуюсь у него:

– А мастер на борту?

– Кэп домой умчался вместе с третьим и начальником рации. На борту из начальства только чиф, ревизор да вы. Дед ещё с вахтенным механиком. И вот ещё что: вас чиф просил к нему зайти, как проснётесь!

– А что же сразу-то не сказал! Уже бегу! – кидаю я вахтенному на ходу.

Поднимаюсь к чифу. Дверь в каюте у него никогда, что ли, не закрывается?

Он опять что-то усердно долбит одним пальцем на своей пишущей машинке с неизменной сигаретой в зубах.

– Разрешите, Владимир Яковлевич? – вежливо интересуюсь я.

– А, Игорь Владимирович! Проснулся? Ирина разбудила, поди?! – радостно вещает чиф, ни на минуту не отрываясь от скоростной печати указательным пальцем.

– Да, Ирина. Она мне постель принесла... – подтверждаю его слова я.

– Постель – это хорошо... И как она тебе, наша Ириша Варзанова? – не скрывая иронии, интересуется у меня старпом, отрываясь от машинки лишь только для того, чтобы стряхнуть пепел с тлеющей сигареты.

– Если честно? Красивая женщина! – откровенно признаюсь я.

– Ты с ней поаккуратнее! Красивая-то она красивая! Но я её сразу предупредил, чтобы женатых мужиков не кадрила! Сама тебя будить вызвалась, интересно ей, видишь ли, стало! Да ты не обращай внимания, бабы они и есть бабы! Новенький молодой штурман на пароходе – всегда объект очередного флирта! Свои-то корабельные рожи ей уже порядком наскучили! Да, и у нас на пароходе из молодых офицеров почитай что все женатые: мастер, второй, третий, ты вот тоже... А ей, понимаешь, внимание мужское требуется – замуж всё мечтает удачно выскочить!

Я опять краснею до ушей и признаюсь чифу:

– Девушка она, конечно, эффектная, но я жену люблю.

– А вот это правильно! Пусть своим хвостом крутит – хвост-то, поди, пушистый у неё! А нам – ну и что! – озорно подмигивает мне чиф.

Потом вдруг, неожиданно вспомнив что-то важное, даёт мне своё первое поручение:

– Вы вот что, Игорь Владимирович... Пока у нас идёт погрузка и есть немного времени, разберите, пожалуйста, документы экипажа. Берёзкин в последнее время забил на это дело – в отпуск уж больно хотел!

– Хорошо, Владимир Яковлевич, прямо сейчас этим и займусь!

– Вот и славно! Если возникнут вопросы – сразу звоните мне! Наш мастер по своему обыкновению умчался во Владивосток на время стоянки. Забрал с собой третьего и начальника. Ревизор сейчас приступит к погрузке парохода, а я приму у него вахту. Так что заходите, если что!

– Понял, разрешите идти? – строго, по-курсантски спрашиваю разрешения я.

– Иди, Игорь, иди! – по-отечески разрешает старпом. – Ты не против, если я буду к тебе по имени обращаться? Но это только между нами. Ты же мне, как сын!

– Согласен, Яковлевич!

– Ну и ладушки! – резюмирует старпом. – А теперь иди и поработай, только как следует!

Я возвращаюсь в каюту, открываю казённый сейф и выкладываю лежащие там документы на стол.

Надо отдать должное Берёзкину – все документы аккуратно разложены: дипломы – к дипломам, сертификаты – к сертификатам, мореходки – к мореходкам! Он даже на каждый документ умудрился наклеить стикер с фамилией владельца.

В душе искренне радуюсь за предшественника – молодец! Настоящий штурман – аккуратен и педантичен! Но всё же, как говорится, доверяй, но проверяй!

Открываю каждый документ и скрупулёзно проверяю.

У капитана и штурманов всё в порядке, и, видимо, можно уже успокоиться, но я же обещал чифу, что всё тщательно проверю, а потому продолжаю добросовестно выполнять его поручение.

Перехожу от штурманов к механикам и сразу же обнаруживаю, что сертификат БЖС у главного механика просрочен! Я просто не верю своим глазам: как же Берёзкин мог такое пропустить?!

Правда, сертификат закончился только на днях, но существует большая вероятность, что деда просто-напросто не выпустят в рейс – комсостав-то ведь проверяют в первую очередь!

Откладываю просроченный сертификат стармеха в сторону и копаю дальше. Опаньки! А вот и ещё просрочка! Не критично, конечно, – всего лишь дневальная, но и её могут легко списать с парохода раньше положенного.

Ай да Берёзкин, ай да сукин сын! Он же заранее должен был предупредить деда и дневальную – ещё на стоянке во Владивостоке! У них тогда было достаточно времени получить на «Невском» новые сертификаты. И я ведь должен был всё тщательно проверить при передаче дел, но ведь не проверил – поверил на слово! Оба хороши! А сейчас-то что делать?

«Ладно, – решаюсь я. – Сперва доложу старпому»!

Я решительно снимаю трубку судового телефона и набираю чифа.

– Старпом! – отвечает мне уже знакомый голос Яковлевича из трубки.

– Владимир Яковлевич, это четвёртый! Тут такое дело...

– Что такое? – недоумевает старпом.

– Я проверил все документы! У стармеха и дневальный закончились сертификаты БЖС. Боюсь, что портнадзор их в рейс не выпустит. Нужно срочно что-то с ними решать!

– Это точно, вы не ошиблись?

– Никак нет, не ошибся!

– Зайдите-ка, пожалуйста, ко мне с документами, и немедленно!

Я аккуратно складываю документы в сейф, беру со стола оба просроченных сертификата и иду к чифу.

Выход есть всегда!

Я захожу в шикарную кают-компанию «Капитана Гнездилова», спрашиваю разрешение у старпома войти и здороваюсь с присутствующими здесь, офицерами.

В кают-компании сегодня немногочисленно. За большим столом, аккуратно накрытым белоснежной скатертью, собрался весь немногочисленный командный состав судна: старпом, второй помощник, стармех, вахтенный второй механик и старший электромеханик. Остальные офицеры, свободные от работ и вахт, отсутствуют, ибо находятся в увольнении.

Старпом первым заканчивает трапезу и, любезно извинившись перед собравшимися, отправляется немного вздремнуть в свою каюту.

Сразу же после его ухода стармех, с которым я уже имел честь познакомиться у чифа, испепеляет меня своим презрительным взглядом и сообщает старшему электромеханику, сидящему подле него:

– Представляете, Михаил Дмитриевич, вызывает меня сегодня к себе чиф и сообщает, что они с новым четвёртым меня списывают!

– Как списывают? – недоумевает СЭМ. – За что?

– А ни за что! Якобы сертификат БЖС у меня просрочен!

– Как просрочен?! Вы ведь только недавно на пароход сели! – удивляется СЭМ.

Я делаю над собой усилие, чтобы не вспылить, и крайне деликатно вклиниваюсь в их диалог:

– И не только у вас просрочен сертификат, уважаемый Владимир Александрович, но ещё и у дневальной! Предлагаю вам после обеда зайти ко мне в каюту и конструктивно обсудить этот вопрос!

Дед делает вид, что он никоим образом не видит и не слышит меня и, как ни в чём не бывало, продолжает жаловаться СЭМу:

– Даже на Магадан спокойно походить не дадут! Я ведь только несколько рейсов успел сделать, и вот – уже списывают! И кто? Совсем зелёный штурман – без году неделя на флоте!

СЭМ утвердительно кивает в знак солидарности, мол, согласен со всем услышанным, а я просто задыхаюсь от возмущения!

– Да никто же вас не списывает! Пока стоим под погрузкой, есть пара дней для решения вопроса!

Дед демонстративно игнорирует мои слова, а присутствующие офицеры осуждающе поглядывают на мою скромную персону, и я закрываю рот.

В полной тишине мы заканчиваем трапезу и молча расходимся – каждый по своим делам.

Сразу же после обеда я иду в тальманскую и делаю объявление по общесудовой трансляции: «Внимание экипажа! Старшему механику и дневальной просьба срочно прибыть в каюту четвёртого помощника!»

Спустя пару минут на пороге появляется сперва дневальная – весьма симпатичная молодая особа, а вслед за ней – и сам дед.

– Вызывали? – с сарказмом интересуется стармех, заглядывая в каюту через приоткрытую дверь.

– Да, Владимир Александрович, проходите, пожалуйста! Присаживайтесь! – И я указываю ему на место возле сидящей на диване растерянной дневальной.

– В ногах правды нет – я постою! – артачится дед и остаётся стоять, прикрыв за собой дверь каюты.

– Я собрал вас здесь, чтобы сообщить пренеприятное известие! – цитирую я классика. – У вас просрочены сертификаты БЖС.

И в доказательство демонстрирую обоим участникам митинга их просроченные сертификаты.

Дед тут же изображает искреннее удивление, а дневальная пускает слезу:

– Только не сейчас, ради бога! У нас через месяц свадьба! – сквозь слёзы, умоляет она.

– С кем свадьба-то? С Владимиром Александровичем? – недоумеваю я.

У деда от таких судьбоносных заявлений начинается нервный тик, и он, чтобы успокоиться, начинает непроизвольно наглаживать аккуратно постриженные на офицерский манер усы.

– Да нет же, не с Владимиром Александровичем, а с Сашей – нашим мотористом! Мы уже подали заявление в ЗАГС и списываемся с судна вместе с ним через месяц. Как же я без него на берегу? У нас же любовь, понимаете?!

– Оксана Ивановна, да не переживайте вы так! – успокаиваю я её. – Выход есть всегда!

– Да, действительно? – и она умоляюще смотрит на меня своими заплаканными глазами.

– Если у Владимира Александровича есть знакомые на «Невском», то вы успеете съездить во Владивосток и продлить срок действия своих сертификатов.

Дед, всё это время нервно наглаживавший свои усы, вдруг утвердительно кивает.

– У меня на «Невском» однокашник работает! – выдаёт он после недолгих раздумий.

Заслышав эти обнадеживающие слова, заплаканная дневальная вытирает слёзы и стреляет в меня своими накрашенными глазками.

– Оксана Ивановна, ну будет вам! Жених ваш ещё ко мне приревнует, и свадьба расстроится! – успокаиваю я её, а затем обращаюсь вновь к деду: – Владимир Александрович, у вас максимум полтора суток на решение вопроса! Пожалуйста, действуйте! Мы все заинтересованы, чтобы вы продолжили работу на «Капитане Гнездилове». Старпом со своей стороны свяжется с капитаном, тот сейчас во Владивостоке, и попросит, чтобы он подстраховал вас.

Спустя час дед и дневальная уезжают на такси во Владивосток, а я принимаю вахту у старпома.

Уходим завтра в море!

Над Восточным встаёт солнце, окрашивая нежно-розовыми тонами изумрудные сопки и бирюзовую гладь бухты Врангеля.

Я стою у трапа с неизменной чашкой крепкого кофе и наслаждаюсь утренней свежестью летнего приморского утра.

Порт ещё не проснулся, и эту сладостную негу нарушают лишь пронзительные крики чаек, которые неустанно кружат над стоящими у причалов судами.

Рядышком с нами ошвартовался мой давний знакомый – контейнеровоз «Пионер Находки», который по-прежнему бороздит линию «Восточный-Гонконг – Шанхай». При взгляде на знакомые обводы «Пионера», на меня накатывает ностальгия.

Эх, сейчас бы в Гонконг рвануть, я ведь там даже не берег не сходил! Но Гонконг пока откладывается на неопределённый срок, а в ближайшей перспективе – только солнечный Магадан!

Некогда высокий и статный «Капитан Гнездилов» прилично просел под тяжестью, погруженных на него контейнеров.

Погрузка подходит к концу, и сегодня на борт возвращается капитан и все находящиеся в увольнении члены экипажа.

Эх, скорей бы в море!

Тем временем к трапу выходит Витя Булах – второй помощник капитана. Он отвечает за погрузку нашего парохода и тоже пока новичок в этом деле. У него, как и у меня, диплом ШМП, он окончил одесскую бурсу и работал ранее в нашем пароходстве третьим штурманом, а теперь вот пошёл на повышение.

Витя – настоящий одессит! Высок, черняв и является обладателем шикарной пышной причёски. И говорок у него чисто одесский, как у биндюжника²!

За чашкой ароматного кофе мы ведём с ними неспешную беседу. Витя рассказывает мне, что он совсем недавно женился и осел здесь же – во Врангеле. «Счастливчик! – думаю про себя я. – И ездить никуда не надо – жена всегда под боком!»

Тем временем к нашему борту подкатывают два такси: из первого выходят, разминая затёкшие ноги, мастер с третьим штурманом и начальником рации.

А из второго – стармех с дневальной.

Я даю три звонка и встречаю его у трапа с повязкой вахтенного на рукаве.

– Доброе утро! У нас всё в порядке? – строго спрашивает мастер.

– Так точно, всё в порядке, Сергей Алексеевич! Сегодня заканчиваем погрузку!

– Отлично! – отвечает он. Затем обращается уже к ревизору, стоящему рядом со мной: – Виктор Николаевич, зайдите, пожалуйста, ко мне!

Ревизор утвердительно кивает и заходит в надстройку вслед за третьим штурманом и начальником, которые всё это время сопровождают мастера.

Затем на борт судна поднимается стармех с маленькой собачкой в руках, а за ним семенит счастливая дневальная.

– Доброе утро, Владимир Александрович! Вижу, что вы всё сделали и успели к отходу! – говорю я.

– Успели, успели, слава богу! – соглашается дед. – Ты уж, четвёртый, извини меня! Я-то был уверен, что получал сертификат БЖС с паспортом моряка, а паспорт у меня ещё год действителен. Вот путаница и вышла!

² Портовый грузчик. «Так говорили уличные мальчишки, заимствующие манеры у биндюжников, матросов и тех велико-возрастных бездельников, которыми кишел одесский порт». (В. П. Катаев, «Встреча»)

– Да ничего страшного, главное, что вопрос решён и вы идёте с нами в рейс!

– Конечно! И не один иду, а с другом! Вот, знакомьтесь, мой питомец Фунтик! Не с кем было его дома оставить – вот и взял с собой! Теперь морячить с нами будет!

Я с интересом смотрю на маленькое пушистое существо, уютно устроившееся у деда на руках. Оно похоже на Чебурашку из детского мультлика – забавный такой маленький зверёк!

И пока я с интересом разглядываю Фунтика, а он, в свою очередь, разглядывает меня своими глазёнками-бусинками, из-за широкой спины стармеха появляется сияющая дневальная.

– Владимир Александрович, ваш Фунтик – просто прелесть! – весело щебечет она и нежно гладит своей изящной рукой Фунтика по косматой голове, затем, немного смущаясь, обращается ко мне: – Спасибо вам, Игорь Владимирович, я так вам благодарна! И в город съездила, и документы поправила.

– Кстати, насчёт документов, коллеги! – спохватываюсь я. – Прошу немедленно мне их сдать!

Под звонкий одобрителный лай Фунтика стармех и дневальная вытаскивают из своих дорожных сумок документы и передают их мне.

Я дожидаюсь вахтенного матроса, которого предварительно отпустил на завтрак, и после его возвращения иду к себе в каюту, ещё раз тщательно проверяю документы и кладу их в сейф.

«Нужно будет сделать реестр для контроля сроков, – приходит мне голову дельная мысль. – Ладно, выйдем завтра в рейс – там и займусь!»

Докладываю старпому о готовности предьявляться портнадзору.

Он буднично благодарит меня и сообщает, что отход назначен на завтрашнее утро.

Ну что ж, будем готовиться вновь к отходу, но на сей раз уже из Восточного!

Служу в торговом флоте!

Я бодро шагаю по нагретому июньским солнцем асфальту в контору портнадзора. С собой у меня пухлый портфель с документами для оформления отхода в рейс. Топать до конторы довольно прилично, но меня это совсем не пугает – засиделся я на пароходе, хоть ноги немного разомну!

Оформление в инспекции портнадзора проходит вполне благополучно: все документы в порядке, выход в рейс разрешён!

Дежурный капитан ставит штамп на «чистой» судовой роли, указывая там время и номер отхода, и возвращает мне вместе с судовыми документами и дипломами. Однако судовая роль со штампом карантинной службы, расчёт остойчивости, акты и справки остаются у него.

Я вежливо благодарю портнадзора, аккуратно складываю документы в свой выдавший виды портфель и осторожно, чтобы не вспугнуть удачу, двигаюсь на выход.

– Постойте! – внезапно говорит он.

Вздрагиваю от такой неожиданности и остаиваюсь у двери как вкопанный.

– Что-то я раньше вас здесь не видел? – с сомнением в голосе сообщает мой визави. – Берёзкин вроде был на «Гнездилове»?

– Да я же ведь и сменил Берёзкина!

– А, вон оно что! Теперь понятно. Небось пёхом сюда с парохода шёл?

– Так точно, пёхом! – признаюсь я.

– Далековато же тебе топтать обратно, да и ваш пароход уже под парами стоит! Берёзкин-то продуман был – на микроавтобусе на оформление судна ездил, с кем-то из портовских договаривался...

– Ну, я ещё, к сожалению, не успел обзавестись такими полезными знакомыми!

– Ничего, ещё обзаведёшься! Дело наживное! А давай мы тебя вместе с лоцманом на катере подбросим? – неожиданно предлагает он.

– С удовольствием! – радостно соглашаюсь я.

– Ну вот и отлично! Сейчас спустишься вниз, пройдёшь метров сто вдоль причала. Там стоит ЛК в ожидании лоцмана – дуй сразу туда! Я сейчас свяжусь с ним насчёт тебя.

– Спасибо вам огромное! – от всей души благодарю я этого, на первый взгляд, весьма сурового человека.

– Да не за что, будь здоров! Семь футов под килем, коллега! – напоследок желает он мне и крепко жмёт на прощание руку.

В прекрасном расположении духа я выхожу из конторы и быстрым шагом иду вдоль причала в указанном портнадзором направлении.

К катеру мы подходим одновременно с лоцманом – знакомимся и, пожав друг другу руки, поднимаемся на борт.

ЛК отваливает от причала и устремляется в сторону стоящего под парами «Капитана Гнездилова».

«Ну вот и лоцмана встречать не нужно! Вместе с ним и поднимемся на борт!» – радуюсь я про себя.

Катер резво мчится по синей глади бухты Врангеля.

«Через акваторию, через акваторию, через акваторию мчится катерок!» – мурлыкаю я себе под нос слова чудесной песенки из детского мультфильма «В порту» и всматриваюсь в приближающуюся фигурку «Гнездилова».

Контейнера на судне стоят в два яруса, но что-то в этом облике парохода меня настораживает. И вдруг меня осеняет...

На верхнем ярусе контейнеров стоят автомобили!

«Да-да, это японские праворульные тачки! Так это же чистой воды контрабанда! Когда их только успели погрузить?» – проносятся у меня в голове тревожные мысли.

Тем временем катер, сбавив ход, осторожно подкрадывается к причалу, и мы с лоцманом, улучшив момент, выскакиваем на берег, пока ЛК работает на упор, прижавшись носом к кранцам. Мы энергично взбираемся по парадному трапу на борт родного парохода и поднимаемся на мостик.

Швартовая команда уже на местах, к борту подходят буксиры.

Лоцман здоровается с мастером и приступает к выполнению своих обязанностей.

Мы выходим их бухты Врангеля, после чего освобождаемся от лоцмана и буксиров, даём полный ход и устремляемся в дальние дали.

Я заступаю на свою законную вахту с шестнадцати до двадцати часов.

– Чиф, оставайтесь с четвёртым на мостике! Контролируйте его, пока не освоится на ходовой вахте! – напутствует капитан старпома и удаляется с мостика.

Четыре часа вахты пролетают на одном дыхании; я добросовестно выполняю свои штурманские обязанности: определяю местоположение судна, наносю на карту путевые точки, делаю записи в судовом журнале.

Перед самым окончанием вахты всё же решаюсь задать старпому волнующий меня всё это время вопрос.

– Владимир Яковлевич, а что это за машины на верхнем ярусе?

Старпом сперва немного мнётся, но потом нехотя разъясняет:

– Это шара – неофициальный, так сказать, заработок нашего мастера.

– Ничего себе шара! То есть мастер берёт этот груз на свой страх и риск?

– Да, именно так. Это его маленький бизнес по перевозке японских тачек в Магадан.

– Ничего себе маленький бизнес! Да он же за один только рейс поднимает, наверно, больше, чем мы за месяц зарабатываем!

– Может, оно и так! Но его можно понять. Зарплаты нынче скромные в паромстве. И валюту в каботаже не платят!

– И ревизор с ним в доле? Он ведь грузом занимается – остойчивость рассчитывает, без него никак не обойдётся такое дело!

– Да, и ревизор, и боцман в доле.

– Ну и дела у вас творятся!

– Да какие дела! Дела у прокурора, а у нас так, делишки... Каждый сейчас выживает как может! Вон матросы и мотористы мотики³ на продажу в Магадан таскают...

– А где же они их хранят?

– А кто где: кто на палубе, а кто в машине...

– Да, я смотрю, экипаж-то здесь ушлый – бизнесмены кругом!

– Есть такое дело... – соглашается чиф. – В торговом ведь флоте служим! – иронизирует он. – Ты вот только не обсуждай, пожалуйста, это ни с кем больше, а то наживёшь себе врагов! – по-отечески советует он мне. – И ещё будь, пожалуйста, осторожен с начальником – он бывший помполит и постоянно стучит мастеру! – предупреждает меня чиф.

– Понял, спасибо, Владимир Яковлевич, буду иметь в виду! Как же без стукачей-то?!

– Без них, к сожалению, никак! С начальником здесь никто, кроме капитана, не общается...

– Оно и понятно. Помпа – он и есть помпа! Бывших комиссаров ведь не бывает! Сократили их на флоте, так они в морские профессии полезли!

– А с дедом у тебя как? Конфликт урегулирован? – переводит разговор с неудобной темы чиф.

³ Мотики/мокики (слэнг) – японские мопеды.

– Да вроде да! Он даже тактично извинился сегодня.

– Обидели мы его, он ведь отличный мужик, хоть и с характером! Ну ничего, отгадет. Я смотрю, он даже собачонку с собой из города привёз!

Хочу ещё что-то важное узнать у старпома, но тут появляется третий штурман Женя Семерячко – пришло его время заступать на вахту.

Я сдаю ему вахту и с разрешения старпома покидаю мостик. Не спеша спускаюсь по трапу, размышляя над тем, что узнал сегодня от чифа, и натываюсь на стармеха...

Вот он – лёгок на помине – дед собственной персоной! Со своим верным псом Фунтиком на руках!

Словно мистический образ, сошедший с полотна средневекового художника, он застыл в дверях собственной каюты, как в рамке старинной картины. Глаза стармеха источают таинственный блеск. Он приветствует меня изящным кивком головы, затем плавно подносит указательный палец правой руки к носу и жестом приглашает войти.

Кончен бал и кончен вечер...

Я ныряю в каюту стармеха, и он сразу же плотно прикрывает за мной дверь.

– Милости прошу, Игорь Владимирович! – приветствует меня хозяин. – Я живу на одной палубе с мастером, поэтому вынужден соблюдать конспирацию! – поясняет он.

– Благодарю, Владимир Александрович! Чем обязан вашим приглашением? – вопрошаю растерянно я.

– Да вы располагайтесь, а я пока сварю вам и себе кофе!

Дед указывает мне жестом на диван, и я усаживаюсь, предвкушая интереснейшую беседу.

И пока стармех хлопочет над кофе, я тщательно разглядываю его каюту.

А каюта у него, нужно сказать, весьма шикарная!

На первый взгляд даже круче, чем у старпома: есть и кабинет, и спальня, и холодильник, и кофеварка – не то что моя скромная келья!

– Вот, прекрасный кофе, угощайтесь, пожалуйста! – деликатно предлагает мне стармех и ставит передо мной чашку ароматного кофе.

Я осторожно беру из его рук фарфоровую кофейную чашечку и с наслаждением делаю маленький глоточек густого кофе. Вот это кофе так кофе, не то что гранулированный на мостике – одно название!

– Превосходный кофе, Владимир Александрович! А вы, я смотрю, настоящий ценитель!

– Да, знаете ли, я очень люблю кофе и всегда располагаю отличной его коллекцией! Так что, прошу вас, заглядывайте ко мне на чашечку-другую после вашей вахты. Конечно, если вас это не затруднит! – деликатно добавляет он.

– Благодарю вас, я тоже очень люблю кофе, особенно под хорошую сигаретку! – тонко намекаю я деду.

– Извольте! – И он протягивает мне пачку моего любимого японского Hi Lite!

Вот уж действительно – совпадение так совпадение!

– Вы тоже курите эти сладкие японские сигареты? – уточняю на всякий случай у него я.

– Да, я ценитель этих «сладких», как вы имели честь выразиться, сигарет! – подтверждает дед.

Я с удовольствием закуриваю, и вместе со мной закуривает и сам хозяин каюты.

Так мы сидим в полной тишине, наслаждаясь крепким кофе с сигаретами, и лишь беспокойный Фунтик, переводя взгляд поочерёдно с хозяина на меня, приветливо машет нам своим пушистым хвостом.

– Знаете, Игорь Владимирович, я ведь сперва вас возненавидел... А теперь вот вижу, что вы молодец! Ведь если бы не вы, то меня бы уже списали... А я ведь совсем недавно только на пароход сел... – после недолгой паузы и глотка кофе сообщает мне дед.

Мне крайне неловко перед стармехом, и я пытаюсь хоть немного оправдаться перед ним:

– Ну что вы, Владимир Александрович, это же ведь моя работа!

– Не оправдывайтесь, Игорь Владимирович, я хочу ещё раз извиниться перед вами за ту недостойную сцену в кают-компании. Виноват! Погорячился, не разобравшись в ситуации!.. А может, выпьем мировую? – неожиданно предлагает он. – У меня в холодильнике как раз сейчас охлаждается отменный Smirnoff – однокашник из Штатов привёз...

Я ставлю пустую чашку из-под кофе на столик и многозначительно молчу.

– Да вы не подумайте, Игорь Владимирович... Я, конечно, как интеллигентный человек люблю немного откусать хорошей водки, но одному как-то неловко, а выпивать с подчинёнными, сами понимаете, нельзя. Но вы же не мой подчинённый! Таким образом в свободное от вахты время можем себе немного позволить...

– Владимир Александрович, – тяну резину я, – мне, право, как-то, знаете ли, неловко...

А дед уже меня и не слушает – он всё понял без слов: вот что значит врождённая интеллигентность! Он открывает буфетный шкафчик и достаёт оттуда два лафитника тонкого стекла, затем подходит к холодильнику, извлекает из его прохладного чрева заиндевевшую бутылку «смирновки» и со знанием дела разливает тягучий напиток по рюмочкам.

– Ну а закусывать будем сервелатом, поскольку горячих закусок у меня, увы, нет! – отвечает он на мой немой вопрос.

После чего, извлекает из буфетного шкафчика блюдечко с тоненько нарезанными кусочками ароматной сырокопчёной колбаски.

Я, глотая тайком слюну, ненароком оглядываюсь на входную дверь, невольно вспоминая предупреждение Берёзкина о бдительном капитане Чуе.

– Да вы не беспокойтесь, каюта надёжно заперта! Я же говорю, конспирация! – успокаивает меня бесстрастный дед. – Да и Фунтик у нас на стрёме! Если кто подойдёт к каюте, он сразу учует и залает!

Мы тихонечко чокаемся изящными лафитниками и с кайфом вкушаем мировую. После недолгой паузы закусываем, и я протягиваю кусочек колбаски сидящему рядом со мной Фунтику.

– Возьми, дружочек, заслужил! – говорю я ласково пёсику.

Дед одобрительно кивает мне головой и добавляет к поданной колбаске:

– А ведь он и вас полюбил!

Фунтик, облизываясь, виляет мне своим хвостом, и я в ответ глажу его по маленькой косматой голове.

– Ну что ж, Владимир Александрович! – говорю я, решительно вставая. – Мировая выпита, а посему благодарю за гостеприимство, угощение и прекрасное общество! Засим имею честь откланяться! – И тихонько ему киваю, как это раньше изящно делали дворяне в кинохрониках.

Дед по-доброму улыбается и крепко жмёт мою руку.

Затем, соблюдая все меры предосторожности, я «на мягких лапах» выхожу из каюты стармеха и тихонько, чтобы не привлечь к себе постороннего внимания, спускаюсь в свою каюту.

Там, за туманами...

Как только мы покинули воды родного залива Петра Великого, нас накрыла пелена густых туманов.

Из строя вышел тифон, и я позвонил старшему электромеханику – Красавину Михаилу Дмитриевичу.

СЭМ прибыл на мостик незамедлительно.

– А вот и дядя СЭМ! – обрадовался его появлению старпом, который стоял со мной вахту на мостике по распоряжению мастера.

– Ну, что у вас тут, опять лампочки на ходовых перегорели? – вяло интересуется Дмитрич.

– Хуже, Дмитрич! Тифон не включается, а мы в тумане идём – обязаны сигналы подавать согласно МППСС.

– Да знаю я, что обязаны! Но у меня электрик сейчас занят!

– Дмитрич, ну очень нужно, сделай сам, пожалуйста, будь ласка!

– Ладно, проверю, что с тифоном случилось! Сейчас только за страховочным поясом схожу!

СЭМ уходит за поясом, а чиф, как всегда деликатно, обращается ко мне:

– Игорь Владимирович, сделайте, пожалуйста, запись в судовом журнале, когда Михаил Дмитриевич тифон пойдёт чинить.

– Хорошо, Владимир Яковлевич! – безоговорочно соглашаюсь я.

– Что там у нас в радар-то видно, идём, как «ёжики в тумане»?!

Я подхожу к «Наяде», засовываю голову в тубус, кручу ручки регулятора яркости и навожу курсор на цель.

– Владимир Яковлевич, паролод на встречном курсе, пеленг почти не меняется, дистанция сокращается – нужно расходиться!

– Сколько до него?

– Да ещё порядочно – шестнадцать миль!

– САРПа у нас, к сожалению, нет. Манёвренным планшетом пользоваться умеете? Учили вас задачки по расхождению решать?

– Так точно!

– Ну и прекрасно, вот и проверим сейчас на практике! Приступайте! А я пока отправлю вахтенного матроса на бак вперёдсмотрящим.

Он отправляет Вову Маточкина с рацией на бак, а я с энтузиазмом принимаюсь за дело и вскоре представляю результат старпому. Он проверяет мои расчёты, и, удовлетворившись, командует:

– Становитесь на руль – будем изменять курс для расхождения со встречным судном!

Я перехожу на ручное управление. Мы маневрируем, благополучно расходимся со встречным паролодом и возвращаемся на прежний курс.

После выполненных манёвров старпом облегчённо вздыхает, а потом сетует:

– Планшет – это хорошо, конечно, но дело в том, что мы подходим к проливу Лаперуза, а там огромное скопление японских рыболовных шхун. Они маленькие, и корпуса у них деревянные – в радар, заразы, не бьются! – А затем в сердцах добавляет: – Нужно гудеть в тифон! Куда же Дмитрич-то запропастился!?

И только эти слова вырвались из уст чифа, как на мостике вновь появляется приснопамятный СЭМ во всей своей красе: в каске, страховочном поясе, с набором инструментов и рацией в руках.

– Яковлевич, полез я тифон осматривать, а ты включи свою walkie-talkie и слушай эфир. Как только дам команду – сразу же гуди, проверим в работе! – сообщает он чифу.

Затем Дмитрич включает свою рацию, они со старпомом проверяют связь, и СЭМ поднимается на навигационную палубу.

Я делаю соответствующую запись в судовом журнале под диктовку опытного чифа и возвращаюсь к радару.

Встречных судов пока не наблюдается, но старпом постоянно связывается с вахтенным матросом и ждёт информацию от Дмитрича.

СЭМ подозрительно молчит, чиф не выдерживает и сам выходит с ним на связь:

– Дмитрич, ты как там, жив? Чего молчишь-то? – кричит он в микрофон Fugino, отжав тангенту.

А в ответ – тишина.

– Да что же он там? Никаких признаков жизни не подаёт! Может, случилось что? – взволнованно делится со мной старпом.

И тут walkie-talkie оживает, и сквозь треск помех мы отчётливо слышим бодрый голос Дмитрича:

– Чиф, есть контакт, врубай!

Старпом включает тифон, и над пароходом раздаётся громкий протяжный гудок.

– Ай молодца, починил-таки, чертяка! – от всей души радуется старпом.

– Дмитрич, слезай, работает! – кричит он радостно в рацию.

Но динамик Fugino не подаёт никаких признаков жизни.

– Аврал! – кричит старпом и выбегает на крыло мостика, и я с ним.

И – о ужас! – мы видим СЭМа, повисшего на мачте на страховочном поясе.

Старпом, узрев такую ужасную картину, стремительно бледнеет, но в это самое время Дмитрич цепляется за скобу и, ловко подтянувшись, как заправский цирковой гимнаст, возвращается в исходное положение.

Мы с чифом облегчённо выдыхаем и возвращаемся на мостик.

Туман по-прежнему опоясывает пароход и всё вокруг, но гудеть мы пока не решаемся, до возвращения Дмитрича, – мало ли что! Включаем второй радар и смотрим в оба!

И пока мы несём неусыпно вахту, на мостик врывается красный как рак СЭМ и, потрясая рацией, как кирпичом, набрасывается на обомлевшего чифа!

– Ты что же, твою мать! Угробить меня решил!? – орёт он что есть мочи на старпома.

– Дмитрич, так ты ведь сам сказал, врубай! Ну я и врубил по твоей команде! – оправдывается старпом.

– Врубил он! Меня как пёрышко сжатым воздухом сдуло, если бы не пояс – за бортом оказался!

– Дмитрич, ну ты же старый зубр – всё предусмотрел. Кто же мог подумать, что тебя так подбросит! Со мной чуть было инфаркт не случился, когда я тебя висящим на страховочном поясе увидел!

– Ладно, проехали! – остывая, ворчит Дмитрич. – Хорошо, что мастер не видел этого цирка! Но имей в виду, чиф, с вас с четвёртым – простав, бутылка армянского пятизвёздочного в Магадане!

Мы с чифом энергично киваем в знак согласия, а Дмитрич, сбавляя обороты, говорит:

– Ладно, налейте мне крепкого кофею да сигаретку скорее дайте – нервы надо успокоить!

Я живо навожу ему крепкий кофе и угощаю Hi Lite-ом.

СЭМ понемногу отходит, попивая горячий кофе и попыхивая ароматной японской сигареткой. Тем временем чиф врубает тифон, и мы протяжно гудим через каждые две минуты, как предписано в правилах.

Туман постепенно рассеивается, и на мостике материализуется мастер.

Глядя на праздного Дмитрича, по-прежнему стоящего в страховочном поясе, он делает удивлённое лицо и вопрошает:

– А что старший электромеханик делает на мостике, да ещё и в таком виде?

– Сергей Алексеевич! У нас вышел из строя тифон, а согласно МППСС-72 мы должны подавать звуковые сигналы в условиях ограниченной видимости, вот я и вызвал Михаила Дмитриевича, чтобы починить его! – докладываю я.

– Гм, надеюсь, добро у чифа получили и сделали соответствующую запись в судовом журнале?

– Так точно! – рапортую я.

Он подходит к открытому судовому журналу, внимательно читает записи и удовлетворённо кивает.

– Вижу и вперёдсмотрящего на бак поставили, и тифон починили, молодцы! А курс зачем меняли?

– Расходились со встречным судном, вот прокладка и расчёт на манёвренном планшете! – предъявляю я ему неопровержимые доказательства.

– Вы и это умеете? – искренне удивляется мастер.

И пока я решаю, как поскромнее ему ответить на столь странный вопрос, чиф уже отвечает за меня:

– Умеет! Я специально его проверял!

– Ну что ж, хорошо, скоро можно будет одного на вахте оставлять, как считаете, Владимир Яковлевич?

– Думаю, что можно будет, но только под моим контролем.

– Ладно, посмотрим! – И он подходит к карте, берёт измеритель в руки и «шагает» им до пролива Лаперуза.

– Через полтора часа будем в проливе, поднимитесь на мостик. Третий штурман вам передаст вахту и отправится с боцманом на бак.

Я молча киваю в знак согласия, и в этот момент на мостик поднимается Женя Семеряжко, спрашивает у мастера разрешение, и я передаю ему вахту.

После сдачи вахты иду к вечернему чаю, но, к сожалению, без традиционного визита к деду, поскольку совсем скоро нужно опять возвращаться обратно на мостик.

Мы пойдём на выборы!

Пролив Лаперуза встретил нас не очень приветливо – свежим северным ветром и белыми барашками, резво оседлавшими изумрудные морские волны.

Для непосвящённых замечу, что пролив Лаперуза – это морской пролив, отделяющий южную часть российского острова Сахалин от северной части японского острова Хоккайдо.

Пролив назван в честь Жана-Франсуа де Галоупа, графа де Лаперуза, французского морского офицера, который исследовал его в 1787 году в рамках кругосветного путешествия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.